
Вадим Месяц

Рассказы

Второклассник Петров

Второклассник Петров угнал автомобиль у директора школы. Тот пошел ответить на телефонный звонок, а ключи оставил в замке зажигания. Второклассник Петров проходил мимо и тут же воспользовался случаем. Через двадцать минут он мчался по ул. Горького в новой «Волге ГАЗ-24», не нарушая правил дорожного движения. Из-за низкого роста видно его не было. «Волга» управлялась человеком-невидимкой или сама собой. Милиция не обращала на него внимания, потому что он правильно останавливался у светофоров, показывал знак поворота, не превышал скорости. У ГАИ к Петрову претензий не было.

Претензий к Петрову не было и у директора школы. Директор был уверен, что автомобиль угнал Михаил Фишман, муж его любовницы. Михаил неоднократно обещал это сделать, если директор не оставит Нелку, а Нелку директор оставлять не хотел. Директор не звонил в милицию, а обдумывал стратегию обмена. На весах его расстроенного воображения покачивались нежная шатенка с родинкой на щеке и блестящее черное авто. Торг был уместен. Фишман в случае неповиновения обещал утопить «ГАЗ-24» в Москва-реке. Директору было о чем подумать. Он думал изо всех сил. Второклассник Петров жил одним днем. Он ни о чем не думал. Он давил на педали и слушал песню «Ландыши», доносящуюся из радиоприемника.

Водить машину его научил старший брат. Они тренировались в поле, на пересеченной местности, в деревнях и городках. По Москве Петров уже катался несколько раз, ночью. Теперь он ехал один по весенней столице куда глаза глядят. Облака торжественно плыли над ним. По обочинам покачивались наливающиеся соком тополя. Мир был свеж, словно новенькая «Волга», выезжающая с автомойки.

Первым делом он сходил в Третьяковскую галерею, чтобы посмотреть на картину «Три богатыря». Он давно уже хотел посетить это место: учительница рисования собиралась сводить в Третьяковку весь класс, но второклассник Петров торопил события. Он выпил в буфете на первом этаже газированной воды и направился осматривать экспозицию.

В галерее ему понравился художник Шишкин, который рисовал обертки для конфет. Петров тоже хотел рисовать. Как обертки, так и монументальные композиции о покорителях космоса. Ему пришлось по душе «Явление Христа народу» из-за обилия

Вадим Месяц родился в 1964 году в Томске. Окончил физический факультет Томского государственного университета, кандидат физико-математических наук. Печатал стихи и прозу в журналах «Знамя», «НЛО», «Новый мир», «Интерпоэзия», «Дружба народов» и др. Автор более пятнадцати книг стихов и прозы. Лауреат ряда литературных премий. Организатор «Центра современной литературы» в Москве и руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». Живет в Москве.

людей на картине. Люди толпились на берегу реки в полуголом виде для принятия водных процедур. К ним вкрадчивой походкой приближался загадочный человек в красно-синей одежде. Понравились Петрову портреты царей и цариц, изображения мещан, крестьян и бурлаков. «Три богатыря» тоже понравились. Именно так он себе их и представлял. Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович стояли на развилке трех дорог, не зная куда направить своих коней. Петров тоже не знал, куда направиться далее.

— Молодой человек, — обратился к нему пожилой мужчина в вельветовом пиджаке. — Не знаете, чем заняться? Могу помочь. Я люблю проводить время в обществе детей.

— Я тоже люблю проводить время в обществе детей, — симметрично ответил второклассник Петров. — А что вы можете предложить? Мороженого я не хочу.

— Планетарий, — уверенно сказал мужчина. — Мы познаем тайны вселенной. Мы вдвоем с вами познаем тайны вселенной.

Мужчина взмахнул руками, словно он эти тайны уже познал, и повел Петрова к выходу из музея.

— Пойдите, — строго сказал второклассник Петров. — Мне надо взглянуть еще раз на «Ивана Царевича на сером волке». Мне очень понравилась принцесса, которую он держит на руках. Вы не знаете, куда он ее везет?

— В планетарий! Конечно же, в планетарий, — воскликнул мужчина. — Мы встретим там всю веселую компанию. — Он на секунду перевел дыхание. — Зовите меня Аркадием Витальевичем.

Второклассник Петров недоверчиво посмотрел на балабола, подумав, что тот не очень нормален, но в мире взрослых, по его мнению, такие особи преобладали. Они сходили к Ивану-царевичу, в задумчивости постояли перед полотном.

— Ну что, на троллейбус? — спросил мужчина веселым голосом. — Или вы предпочитаете метро?

Вместо ответа Петров подвел Аркадия Витальевича к «Газ-24» и, щелкнув ключом, открыл переднюю дверь для пассажира.

— Садитесь, — сказал он. — Надоели мне эти троллейбусы.

Аркадий Витальевич с опаской проник в салон автомобиля, заглянул на задние сиденья.

Тем временем второклассник Петров мастерски развернулся и покатил по Большой Ордынке в направлении Садового кольца. Где находится планетарий, он знал. Видел как-то из окна автобуса его купол, похожий на цирковой. Петров хотел послушать лекции Юрия Гагарина или хотя бы Тура Хейердала, но не знал их расписания.

Аркадий Витальевич долгое время молчал, наблюдая исподтишка за юным водителем. Верхний обод руля располагался на уровне глаз ребенка, что давало возможность смотреть как вперед, так и в боковые зеркала. Машину второклассник Петров вел уверенно и плавно, словно водитель-профессионал. Вновь поймав на себе подозрительный взгляд мужчины, объяснил:

— Макулатуру собирал. Скопил денег...

Директор школы часто назначал свидания с любовницей в планетарии. Романтический тип — здесь они когда-то с ней познакомились. Мест для настоящих встреч было мало. Иногда друзья подбрасывали ключи от своих квартир, несколько раз ездили на дачу Фишмана якобы по хозяйственным делам. Сейчас директор держал Нелку за колено, теребил его влажной рукой и рассказывал.

— Конечно, я могу обратиться в милицию, — говорил он, — но ведь тогда его посадят.

Нелке нравилось, что днем у нее в постели — один мужчина, а ночью — другой. Она была бы не против иметь третьего — утром. Поэтому идея посадки «ночного» Миши ее не прельщала.

— Мурзик, придумай что-нибудь. У тебя же есть второй ключ от этой «Волги». Найди ее — и заberi.

— Нела, — шептал директор. — Он будет ее прятать. Он уже ее спрятал. Он вернет ее лишь в том случае, если я подпишу какую-то кровавую клятву.

— А ты подпиши — и нарушь, — хихикала она. — Ведь все так просто. Главное, чтобы мы были вместе. Даже Галилей солгал перед инквизицией, чтоб сохранить себя для науки, — Нела поднимала глаза к звездному небу.

— Вот! — в довершение всего сказала она, подняв в маленькой ручке блестящий английский ключ. — У Роднянских квартира свободна три дня, а ты мне рассказываешь про какие-то автомобили.

Аркадий Витальевич с второклассником Петровым на лекцию опоздали и сидели теперь на заднем ряду. Тема была любопытной. «Алмазы неба и земли». Долгое время считалось, что эти самые твердые в мире камни образуются только в недрах Земли при больших температурах и давлении. На самом деле происхождение алмазов связано с эволюцией звезд и космических тел во Вселенной. Возраст космических алмазов выходит далеко за рамки земных представлений о них, достигая 11 миллиардов лет. Более того, на свете существуют целые алмазные планеты.

Второклассник Петров слушал лектора, затаив дыхание. Аркадий Витальевич нежно поглаживал его шею и плечо, тихо шептал на ухо пересохшими от волнения губами:

— Вы бывали в Алмазном фонде?

Он пообещал ребенку показать настоящий телескоп, который хранится у него дома. Может быть, даже подарить.

— Сейчас светло, — удивлялся второклассник Петров. — Как мы увидим звезды?

Они двигались по направлению к машине, припаркованной на обочине Садового кольца.

— Дай-ка мне ключи, — сказал Аркадий Витальевич, неожиданно перейдя на ты. — Водительских прав у тебя нет и быть не может. Зачем нам нужны проблемы перед изучением звездного неба?

Петров нехотя передал ключ мужчине, но когда тот начал заводить автомобиль, кто-то открыл дверь и вытащил его за шкирку вельветового пиджака на улицу. Мужчины начали разборку, мгновенно перешедшую в мордобой.

Второклассник Петров перелез на водительское сиденье и дал по газам.

Вечером он был в дачном поселке Усово на Рублево-Успенском шоссе. Здесь с дядькой Валентином жил его старший брат — Серёга. Они скрутили номера с пыльных «Жигулей» со спущенными шинами, припаркованных на заброшенной станции, поставили их на «Волгу».

— Покатайся пока, — сказал Серёга. — Они тебя все равно когда-нибудь поймают, но ничего сделать не смогут.

Второклассник Петров попрощался с братом и выехал на сельскую дорогу. В районе партийных дач, объезжая большую лужу, он услышал странный звук. Кто-то лег на его машину всем телом и царапался в стекло. У машины стояла невысокого роста женщина. Негритянка с ярко накрашенными губами. Когда Петров остановился, она ворвалась в машину с криком «спасите, они меня убьют», но поначалу не обнаружила водителя. Второклассник Петров от страха и удивления вжался в кресло и стал абсолютно невидим.

Когда они различили друг друга, привыкнув к темноте, долго молчали. Петров увидел, что юбка и блузка женщины разорваны, а на губах, кроме помады, проступает кровь. А женщина увидела, что за рулем — второклассник Петров, маленький, как гном.

— Отвезь меня на станцию, — сказала негритянка. — Я хорошо заплачу.

Петров продолжал смотреть на диковинное существо и не двигался с места.

— Ну чьего непонятного? Меня позвали сюда и выгнали. Я не хочу делать, что все они хотят. Я с Кубы. Остров Свободы.

Услышав знакомое слово, второклассник Петров выжал сцепление и тронулся. Проститутка вскоре успокоилась и запела на испанском.

— Это о чем? — спросил второклассник Петров.

— Это про любовь, — улыбнулась девушка.

И они помчались по неосвещенным шоссе: маленький невидимый шофер и женщина, черная как ночь. Второклассник Петров думал о планетах, полностью состоящих из алмазов, а его пассажирка думала про любовь. И местные леса, стоящие по обочинам, шарахались от них, потому что никогда такого не видели.

Лондонские симфонии

Музыку я слушал с закрытыми глазами, потому что смотреть на оркестр было противно. Мне не нравились однообразная одежда музыкантов и гримасы, которые они строили при исполнении. Их внешность никак не была связана с красотой музыки, а только отвлекала.

На концерт меня пригласила Таня, славная девочка из хорошей семьи. В нашем поселке была их дача. Ее отец, академик Сперанский, был известным в стране человеком. Медик, представитель «нервизма», лауреат Сталинской премии. Сперанский знал все о патологиях нервной системы. К нему в гости приезжали Буденный, Ворошилов, Михоэлс, Зощенко. Я видел автомобили, которые привозили высоких гостей. Машины были чистыми и блестящими.

Мой отец был животноводом, председателем колхоза «Борьба за коммунизм». Сперанский часто обращался к отцу по хозяйственным делам. Родители познакомили нас с Таней потому, что мы были ровесниками. Мы вместе читали книги и качались на качелях у них в саду.

— Кем ты хочешь стать, когда вырастешь? — спросил я Таню однажды. Это был скучный взрослый вопрос, но мне действительно было интересно, кем хочет стать такая продвинутая девочка.

— Пианистом, — отвечала она. — Я не вижу будущей жизни вне музыки.

Каждый день она по несколько часов сидела за фортепьяно. Я слышал звуки ее гамм и этюдов и не беспокоил Таню в часы учебы. Я подходил к их дому, садился на лавочку и слушал музыку, доносящуюся из окна. Мне очень хотелось спросить, о чем эта музыка, но я боялся показаться глупым.

— Сегодня мы с Алексеем едем на концерт, — сказала Таня, когда мы возвращались из деревенского магазина, затарившись леденцами. — Папа сказал, что я могу пригласить тебя с нами.

Я немного испугался, но в глубине души возликовал. Пойти с городской девочкой на концерт слушать классическую музыку! Обсуждать произведение и делиться впечатлениями после концерта! Потрясающая романтическая перспектива. Я незамедлительно согласился и даже сказал, что всегда мечтал об этом.

— Что дают? — спросил я со знанием дела.

— Какую-то симфонию Гайдна, — ответила девочка. — Мы едем в Малый зал консерватории. Это самое уютное место в Москве. Лучшая акустика.

В симфониях Гайдна я не разбирался. У меня появлялся шанс расспросить Таню об этом виде музыки. Она охотно рассказывала мне обо всем, что знала.

На Большую Никитскую нас вез персональный шофер академика Сперанского — Алексей. Розовощекий детина в парусиновом костюме и плетеной шляпе на затылке. Ему было жарко в таком наряде, но он был при исполнении и не осмеливался снять пиджак. Со строгим гостеприимством он раскрыл заднюю дверь автомобиля «Победа», помог сесть девочке, потом пропустил меня.

— Жанр симфонии придумал сам Гайдн, — сообщила мне Таня заговорщицки. — По крайней мере, он был один из первых.

Я кивнул с серьезным видом и уставился в окно. Машина неслась по проселкам. Мелькали невзрачные деревеньки, украшенные цветением черемух и яблонь.

— «Лондонские симфонии» — это жизнеутверждающая музыка, — добавила Таня. — Только 95-я написана в миноре.

— Ты их уже слышала?

— Нет, — ответила она. — Читала по нотам. — Таня со значением обняла свой портфель с партитурами.

— А в этом концертном зале ты уже была?

Таня смерила меня взглядом.

— Многократно.

Мне очень нравилось ехать в автомобиле с персональным водителем по Москве. Машина была новой и еще пахла свежей обивкой салона. Я крутил ручку, открывая и закрывая окно. Таня рассказывала мне о музыке.

— Это правда, что твой отец отдал Сталинскую премию в Фонд обороны? — спросил я, сам не ожидая от себя такой наглости.

Таня прервала свою речь и, как мне показалось, удивилась.

— Да, это правда, — сказала она. — А что в этом такого?

— Какой у нас любопытный молодой человек, — процедил Алексей с водительского сиденья, и мое лицо залилось краской.

— Я хотел сказать, что это благородно, — пролепетал я, но меня уже никто не слушал.

В консерватории мы сели вместе на четвертом ряду. Алексей разместился на пятом у нас за головами. На сцену вышла крупная женщина в платье с шелковыми розами и рассказала о народных основах творчества Йозефа Гайдна. Также она сообщила, что «Лондонские симфонии» композитор написал в Лондоне. «Они обретают смысл обобщенной "картины мира"», — сказала она и удалилась под аплодисменты.

Поначалу я смотрел на музыкантов: как вздрагивает и дергается дирижер, как скрипачи и виолончелисты в свободное от музыки время чешут смычком за ухом, как раздуваются щеки у трубачей. Потом я закрыл глаза и отдал себя на волю симфонической стихии. Таня не могла себе этого позволить. Она внимательно следила за оркестром по нотам, стараясь зафиксировать каждый извлеченный им звук.

В антракте мы пошли в консерваторский буфет, похожий на боярские палаты. Под оштукатуренными белыми сводами стояли ряды дубовых столов. Мы выстояли с Таней небольшую очередь, купили по два бутерброда с колбасой и сыром и по стакану газированной воды. Водитель Алексей нашел нас за пиршеством.

— Я доложил ситуацию Алексею Дмитриевичу, — сказал он серьезно. — Он принял решение отправить вас по домам.

Я опустил глаза, Таня недовольно вскрикнула:

— Почему?

— Танечка, ты не могла не заметить, что музыканты фальшивят. Я весь на нервах. Издергался. Такое слушать нельзя. Тем более, если ты хочешь стать профессиональным музыкантом.

Я подумал, что водитель академика тоже представитель «нервизма». Он взял партитуру у девочки и нашел места, где оркестр допустил ошибки. В первой части 104-й симфонии полностью завалена побочная партия во вступлении. В «Военной» — фагот дважды вступил на такт позже.

Таня прокрутила концерт в голове и была вынуждена согласиться. Я видел, что ей неловко передо мной, но своим видом показывал, что больше заинтересован в ее обществе, а не в музыке Гайдна.

Мы помчались на шикарной «Победе» назад в деревню. В Москве стемнело, и она зажглась множеством фонарей и окон. Я был абсолютно счастлив. Я напевал мелодии, услышанные в консерватории. Таня к моему удивлению делала то же самое.

До конца лета мы много встречались, говорили о прошедшей войне и музыке будущего. Иногда качались на качелях у них на участке, один раз ходили на пасеку пробовать мед по рекомендации моего отца. В конце августа семья Сперанских уехала в город. Я остался с отцом и школьными товарищами. Мне до сих пор жаль, что Таня не вышла за меня замуж, когда мы стали взрослыми.